

УДК 821.221.18

*Е.Б. Дзапарова, К.И. Хетагурова, И.Х. Хозиева, Н.А. Асаева***СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.:
ЖАНРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ**

В статье делается попытка определения жанровой принадлежности произведений осетинских писателей, причисляемых ими к стихотворениям в прозе. Наличие небольшого объема, лирического начала, а также характерная композиционная завершенность, динамичность и эмоциональность повествования позволяют отнести большинство анализируемых произведений к рассматриваемому жанру.

Структурный анализ художественных произведений показал, что часть из них больше тяготеет к притчам или басням, так как они заключали в себе дидактические высказывания (Ц. Гадиев). Другие анализируемые художественные произведения по содержанию приближены к пейзажным этюдам (С. Гадиев), стихотворению-размышлению (Ц. Гадиев), лирическим миниатюрам (Дз. Гагуев, Нигер (И. Джанаев)), стихотворению-посланию (Х. Калоев), стихотворению-исповеди (Х. Калоев), стихотворению-прощанию (Х. Калоев), стихотворению-наказу (Х. Калоев).

В повествовании от первого лица проявляется лиризм стихотворений в прозе. Сочетание лиризма с прозаическим способом передачи художественной действительности характерно и для творческого метода осетинских авторов.

В статье также анализируются изобразительно-выразительные средства стихотворений, играющие немаловажную роль в раскрытии идейного смысла; подчеркивается отождествление образной системы с внутренним миром лирического героя. Использованные лексические и синтаксические средства художественной выразительности отражают глубокие чувства и мысли лирического героя, дают оценку изображаемому.

Формальные признаки анализируемых стихотворений в прозе представлены чаще всего простыми предложениями, придающими повествованию особую динамичность.

Ключевые слова: осетинская литература; стихотворение в прозе; жанр; лирический герой; образ; композиция.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-615-622

Жанр стихотворения в прозе недостаточно исследован в литературоведении. Расходятся взгляды ученых на родовую принадлежность произведений. Наличие черт лирического и эпического родов литературы в стихотворениях в прозе дает право литературоведам определять их как промежуточный жанр между лирикой и прозой. Эпическое начало в жанре – форма, лирическое – субъективное содержание с эмоциональным характером подачи материала.

Жанровая специфика стихотворения в прозе рассматривалась в трудах Л.А. Озерова [17, с. 98–112], М.Л. Гаспарова [7, стб. 1039], Ю.Б. Орлицкого [18] и др. Ученые определяют основные признаки жанра, которые, к примеру, М.Л. Гаспаров сводит к «небольшому объему, повышенной эмоциональности, обычно бессюжетной композиции, общей установке на выражение субъективного впечатления или переживания» [7, стб. 1039]. При этом стихотворение в прозе, по его мнению, не обладает такими признаками, как метр, ритм, рифма [7, стб. 1039]. Л.А. Пушина специфику жанра стихотворения в прозе определяет так: «Для него характерна тематика, актуальная для данного исторического периода, отражающая внутренний, субъективный опыт автора и эмоциональное отношение к миру, а также полнота и цельность впечатления, образность, концентрация и игра смыслов, особая роль означающего; краткость и завершенность формы, бессюжетность, своеобразие тематического развертывания, приемы экспрессивного синтаксиса; структурная и ритмическая упорядоченность за счет использования параллелизмов и повторов на разных языковых уровнях, специфика отражения времени» [19, с. 6].

И в том, и в другом определении дискуссионным оказывается тезис об отсутствии сюжета в стихотворении в прозе [21, с. 49–57]. Вызывает споры и другой критерий – отсутствие ритма. Однако практика анализа стихотворений в прозе русских писателей подтверждает наличие в них ритмического рисунка [2, с. 8–15], [3, с. 27–29].

Целью нашего исследования является изучение жанровой специфики стихотворений в прозе в осетинской художественной традиции первой половины XX в. Вопрос о жанровой идентификации произведений, причисляемых писателями к стихотворениям в прозе, до сих пор не получил должного ответа, так как исследователи не анализировали их форму и содержание как единое целое. На основе

проведенного анализа выявим жанровую принадлежность произведений, находящихся на стыке лирики и прозы.

Жанр стихотворения в прозе получил широкое распространение в осетинской литературе. На протяжении XX в. наблюдается динамика жанра: от появления первых попыток написания стихотворений в прозе до активного ввода осетинскими писателями данной литературной формы в жанровый репертуар.

Первые образцы стихотворения в прозе в осетинской литературе появились в начале XX в., когда наблюдается расцвет этого жанра в русской и европейской литературах. Черты стихотворения в прозе мы впервые видим у Сека Гуыцыриевича Гадиева (1855 или 1857 – 1915), творчество которого тесно связано с фольклорной традицией. Обработывая сюжеты устного народного творчества, автор создавал по художественным достоинствам вполне самостоятельные произведения, нашедшие свое место в осетинской литературе. Мастер басенного жанра часто прибегал к иносказанию и здесь. Значительное место в его творчестве занимают пейзажные этюды «*Весна*», «*Поздняя осень в Осетии*», «*Зима в Осетии*», «*Весна в Осетии*», «*Лето в Осетии*» [4, с. 207–209]. По структуре и содержанию стихотворения почти идентичны между собой: описания наступившего времени года, происходящие со сменой времени года изменения в жизни людей и животных. Произведения не лишены поучительного смысла.

Автор, показывая изменения в природе, в аллегорической форме отражает настоящее народа и его желанное будущее. Природный цикл – поздняя осень, зима, весна и лето – является, как нам кажется, отображением смены жизненного уклада. Радужные картины пробуждения природы олицетворяются у автора с желанным наступлением социально-политических перемен в стране. Так, в стихотворениях «*Весна*», «*Весна в Осетии*» (1 и 2 варианты) после долгой спячки просыпается все вокруг («*Зæхх йæ тарф фынæйæ райхъал æмæ цæрджыты базмæлын кодта*») (с осет. 'Земля пробудилась после глубокого сна и расшевелила жителей')¹. Для описания картин природы С. Гадиев избирает особую синтаксическую форму: простые личные предложения, местами нераспространенные, сочетаются с безличными.

Отличается от вышеперечисленных произведений стихотворение «*Свобода*» [5, с. 304]. В небольшом по объему произведении С. Гадиев смог воплотить свои раздумья по поводу ценностных ориентиров в жизни человека. Свободу автор считает высшей ценностью в жизни человека, за которую он идет на жертвы. Свобода приносит в жизнь угнетенного народа свет, «отождествляя божественную силу» [14, с. 281]. Свобода – истинное счастье человека, это констатирует автор в конце произведения. Встречающаяся в тексте антитеза «*свет – тьма*» («*хурзæрин*» ('солнце'), «*сæуæхсид*» ('утренняя заря'), «*рухс*» ('свет') – «*тар æхсæв*» ('темная, мрачная ночь'), «*талынг æхсæв*» ('темная ночь'), а также «*зима – весна*» символизирует пробуждение, начало чего-то нового, светлого в жизни человека. Весна – возрождение природы – здесь символизирует и душевное обновление.

Система построения абзацев/строф одинакова. Единоначатие и наличие простых предложений характерны для каждой текстовой единицы. Предложения испещрены многоточиями. Как известно, многоточие является намеком на недосказанность. У С. Гадиева обрывистость фраз, бессоюзие придают динамичность стиху, создают эффект быстрой смены картин.

Дальнейшая актуализация жанра стихотворения в прозе наблюдается в творчестве Цомака Секаевича (Михаила Юрьевича) Гадиева (1883 – 1931). Произведения «*Два цветка*», «*Паук и пчела*», «*Можжевелник и ель*», «*Бедная женщина*» [6, с. 77–82] относятся к позднему творчеству писателя (1925). В стихотворениях этого цикла поставлены философские вопросы: общество и индивидуум, концепция абсолютной свободы личности от коллективизма, приоритет общественных интересов перед личными, мотив жертвенности и отчуждения. В стихотворении «*Два цветка*» противопоставляются образы гордеца и альтруиста. Произведение построено в виде спора двух цветков: горного, живущего вдали одиноко от всех, и полевого, приносящего своим ароматом и пылью пользу окружающим. Позиция первого такова: идеал видится им в спокойной жизни среди красот пейзажа, вдали от окружающих. Философии гордого цветка противопоставляется позиция полевого. Красивой жизни одинокого гордеца он предпочитает слышать и чувствовать «разнообразные звуки жизни» [6, с. 77], являться частью общества и быть ему полезным. Выше смерти он ставит желание быть нужным своему народу. Лейтмотивом звучат слова: «*Мæ амонд мæнæн мæ дзыллайы амондимæ 'мхæст у, мæ*

¹ Здесь и далее перевод с осетинского языка на русский наш. – Е.Дз., К.Х., И.Х., Н.А.

халар» ('Мое счастье со счастьем моего народа слито, мой друг'). Противопоставление эгоизма жертвенности, отгороженности от народа коллективизму сулит, по мысли автора, неизбежную гибель. По справедливому замечанию известного осетинского поэта, литературоведа Н.Г. Джусойты, «счастье и красота одинокого индивидуалиста оказались мимолетны, непрочно и незавидны. Цветок, выросший в море травы, оказался более разумным и счастливым именно потому, что „принял к сердцу вселенское горе“» [10, с. 95]. Здесь можно провести аналогию с горьковской «Песней о Соколе»: Ц. Гадиев в аллегорической форме рассматривает проблему счастья в двух ракурсах – личном и общенародном. Произведение заставляет задуматься над вопросом: в чем истинное и мнимое счастье.

Стихотворения в прозе Ц. Гадиева схожи с притчами, имеют поучительный смысл. В других стихотворениях «Паук и пчела» (по замыслу схоже с одноименной притчей Леонардо да Винчи; по мнению Ш. Джикаева, мотив произведения заимствован у В. Либкнехта [9, с. 129]), «Можжевательник и ель» Ц. Гадиев высмеивает жадность, чванливость, высокомерие. Он восхваляет труд и упорство, которые смогут помочь достигнуть желанной цели. Язык повествования лаконичен, образен.

Тяжелое положение женщины-горянки Ц. Гадиев описывает в стихотворении «Бедная женщина». Женская доля оставалась невыносимой, несмотря на смену патриархально-феодального общества на социалистическое. Одета в лохмотья беременная женщина тащит на себе невероятный груз – связку с дровами. Холодный ветер оголяет и так еле прикрытые части тела. Автор глубоко сочувствует женщине: «Гъе, магуыр хæххон ус!» ('О, бедная горянка!'). А в конце произведения риторически восклицает: «Царды тохы да магуыры хъæстытæ, да магуыры сагъæстæ кæмæ бахъардзæсты, кæмæ?! Чи дын бамбардзæн, цыма, да царды зынтæ, да зардаейы сагъæстæ?!» ('В жизненной суматохе кого тронут твои жалобы, твои заботы, кого?! Кого поймет, интересно, твои жизненные трудности, твои глубокие печали?!'). Исторически достоверно Гадиев описывает тяжелую судьбу женщины. При этом автор занимает позицию стороннего наблюдателя. Образ дополняется колоритным описанием горной местности. В панорамное изображение пейзажа включено описание поступи женщины над опасным обрывом с тяжелой ношей на плечах. Найденные автором выражения способны вызвать у читателя адекватный эмоциональный отклик: «Фæхæссы магуыр ус йæ суджы 'ргъом, ныттымбыл ис суджы 'ргъомы бын, фæцæуы хардмæ уæззау, фæллад æмæ хъæвгæ цыдаей» ('Несет бедная женщина свою ношу дров, съезжилась под ее грузом, тяжело поднимается вверх, усталым и осторожным шагом'). И дальнейшее повествование отражает ее крайнюю бедноту. Ц. Гадиев создает словесные образы, которые несут семантику эмоционального сопереживания: «схызтис» ('взобралась'), «серлаууыд» ('остановилась'), «ныуулафæфд уынæргъгæ улафтæй» ('вздохнула со стоном'), «банцой кодта къæй-къулыл» ('облокотилась на скалу'), «ахсы... къухæй йæ бызгъуыртты забултæ, æмбæрзы йæ гуыбын» ('ловит... руками свои лохмотья, прикрывает живот').

Эмоциональность повествования относится к характерным особенностям стихотворений в прозе. В текстах отражены глубокие раздумья автора о проблемах, которые его волновали, – положение женщины-горянки и крайняя нищета народа. В отличие от произведений Сека Гадиева у Цомака четко очерчены художественные образы, с помощью которых дается оценка жизненным явлениям.

В рассматриваемом жанре в начале своего творческого пути выступил Дзахо (Константин) Алексеевич Гатуев (1892 – 1938) – осетинский писатель, публицист, общественный деятель. Воспитанный на русской классической литературе Дз. Гатуев писал свои произведения на русском языке, в некоторых из них, особенно в первых прозаических опытах, чувствуется влияние А.П. Чехова и М. Горького [8, с. 5].

Поднимая актуальные социально-политические проблемы своего времени, Дз. Гатуев проявлял интерес к национальной тематике. По мнению З.Н. Суменовой, «главным объектом творческого внимания Дзахо Гатуева стала жизнь горцев Северного Кавказа. Он отразил в своих произведениях тяжелое историческое прошлое, своеобразие их общественно-экономического бытия и духовного облика, участие в бурных событиях революции и гражданской войны, начало социального и национального возрождения после Октября» [8, с. 3]. В творчестве Дз. Гатуева мы видим синтез национального и интернационального. Заимствованные художественные образы сочетаются с сугубо национальным компонентом. По мнению И.С. Хугаева, «сквозь русскоязычный текст Гатуева просвечивает его горский культурный субстрат; больше того, этим субстратом он и организован как в высшей степени самобытное художественное явление» [22, с. 7].

В стихотворении в прозе «Звезда» Дз. Гатуев показывает человека, стремящегося к высокой благой цели. Упорное преодоление тернистого пути составляет основное содержание произведения.

В стихотворении переплетаются описания картин природы и показ изможденного тела путника. Природа выстраивает свои преграды на его пути. И лишь звезда, мерцающая и манящая, осветляет путь герою. Путь к звезде еще далек, пройдена лишь его часть, но неведомая дорога не страшит героя. Могучая сила и вера в высокую жизненную цель способны преодолеть преграды. Звезда – заветная цель, конец тернистого пути и символ свободы. Пройденный путь, орошенный кровью, здесь символизирует тернистый путь, по которому идет простой народ к светлому будущему.

Точная дата написания стихотворения не установлена до сих пор. Как известно, в 1938 г. писатель был репрессирован, и часть рукописных материалов, вероятнее всего, была уничтожена [20, с. 166]. Исследователь творчества Дз. Гатуева З.Н. Суменова, долгое время изучавшая художественное наследие писателя по архивным источникам, отнесла стихотворение «Звезда» к его ранним произведениям. И.С. Хугаев, в свою очередь, начало творческого пути Дз. Гатуева относил к 1908 – 1912 гг. Можно предположить, что и создание этого стихотворения попадает в этот временной диапазон.

Произведение построено на основе антитезы: в стихотворении противопоставляется природа и человек. Величие природы – «*высокие снежные горы*», «*торжественно-величаво поднималось красное горячее солнце*», «*дремучие леса*», «*бешеный ветер... миллиардами игл вонзался*», «*высокая снежная гряда*» – контрастирует с жалким, измученным видом героя: «*исхудалое тело*», «*тяжелые капли черной крови*», «*потрескавшаяся кожа*», «*изможденное лицо*», «*усталые ноги*», «*жалкие рубища*», «*исхудалое, избитое, исцарапанное тело*», «*дрожащие ноги*», «*окровавленные руки*», «*усталый*», «*изнуренное тело*» [8, с. 20–21].

Используемый автором повтор – «*он шел*» – создает художественную иллюзию упорства в достижении цели, а также придает тексту особый ритм.

Представленные в произведении элементы образной системы гармонично сочетаются с образом лирического героя: *высокие снежные горы, красное горячее солнце, голые пустыни, дремучие леса, застывшие болота, дремучий бор, мерцающая звездочка, бешеный ветер, бездонная пропасть*.

Изобразительно-выразительные средства представлены метафорами, олицетворениями, эпитетами, сравнением: «*черная кровь*», «*кровавая влага*», «*солнце обливало ликующими лучами*», «*голые пустыни*», «*песок проглатывал влагу*», «*ветки хлестали по лицу*», «*бешеный ветер... вонзался в кровавые рубцы, душил прерывистое дыхание*», «*предательские серые камни*», «*снежное покрывало горы*», «*сквозь переплетавшиеся ветви, как через решетку*» и др. Природа в стихотворении персонафицирована.

Стихотворению в прозе Дз. Гатуева «Звезда» присущи формальные и содержательные признаки произведения данного жанра. Ярким поэтическим языком автор описывает напряженный путь героя к мечте. Стихотворение Гатуева можно рассматривать как отдельный фрагмент из жизни героя, и в этом произведении близко к жанру миниатюры. Небольшой объем, наличие лексических и синтаксических средств художественной выразительности, членение текста на короткие абзацы, «напряженность, структурная завершенность» [15, с. 103] – жанровые особенности стихотворения в прозе Дз. Гатуева.

Стихотворения в прозе (оригинальные и переводные) представлены и в творчестве известного осетинского поэта Нигера (Ивана Васильевича Джанаева) (1896 – 1947). Опыт перевода поэтических произведений в прозе М. Горького [11, с. 33–47] способствовал обращению Нигера и в оригинальном творчестве к этому жанру. «*Крымские миниатюры*» [16, с. 230–231] – размышления лирического героя-рассказчика о превосходстве человека над природой. Перед нами предстает символическая оппозиция: «человек и природа». Противопоставление «человек – природа» занимает важное место не только в анализируемом стихотворении, но и в других поэтических произведениях писателя. Стихотворение в прозе представляет собой развернутое описание природы. Образный язык, яркие описания передают внутренний мир героя. Яркие и эмоциональные размышления сменяются строгим выводом о том, что господство над природой принадлежит Человеку.

Во второй части стихотворения мысли Нигера передаются развернутыми сравнениями, индивидуальными метафорами. В стихотворении изображены символические образы моря и луны, которые помогают раскрыть мироощущения поэта. Здесь и одиночество души, и ее опустошенность. Подмечено сходство луны с «лицом новорожденного ребенка». Встречаются и другие метафоры луны: «*стыр аерхуы тас*» ('большой медный таз'), «*стыр гуымбыл*» ('большой сыр'), – основанные на формальном сходстве. У Нигера луна зеркально отражается в воде. Скрещение водной и небесной стихий часто используется и в русской поэзии [23, с. 99]. Отсутствие характерных для поэтических

произведений признаков (метра, рифмы, строфики) и наличие субъективизма в развернутом «описании действительности, лаконизм выражения, повышенная экспрессивность, обилие образных и стилистических средств» [13, с. 56] характеризуют жанр произведений Нигера (И.В. Джанаева) как стихотворений в прозе.

Патриотический пафос характерен для стихотворений в прозе Хазби Александровича Калоева (1921 – 1943) – поэта, в 22 года погибшего на Великой Отечественной войне. Этот жанр стал подходящим для показа эмоций и чувств автора в первые месяцы войны. Выполнение сыновнего долга перед родиной, образный показ ужасов войны, проявление стойкости перед лицом врага, эмоциональный призыв взяться за оружие в смертельной битве – основные темы «лирической прозы» Х. Калоева. Стихотворения в прозе Х. Калоева отличаются наличием исповедального начала.

Стихотворение «*Процай, Осетия*» [12, с. 87] программное не только в творчестве Х. Калоева, но и во всей осетинской военной лирике, по мысли известного осетинского писателя Ш. Джикаева, это «новое поэтическое явление» [9, с. 365] в литературе рассматриваемого периода. Мотив пути с самого начала задает тон всему стихотворению. Оно строится в форме эмоционально-выразительного обращения к родине. Лирический герой, прощаясь с малой Родиной, признается ей в любви, и в этой любви черпает невероятную силу в борьбе с врагом. Оптимистическим пафосом овеяна финальная часть стихотворения Х. Калоева. Мелодия родной лиры воодушевляет, наполняет душу лирического героя, появляется надежда на скорое возвращение домой. Встречающиеся в произведении антитезы «*лира*» и «*кровопролитная война*», «*слеза*» и «*улыбка*» отражают глубокие чувства и мысли лирического героя.

Образ родного края в произведении сакрализуется. Лирический герой считает священным долгом для себя встать на его защиту. Смерть не страшит его, страх улетучивается. Из самого сердца вырывается: «*Ехх, цы бауромдзæн мæн!*» ('Эх, что остановит меня!'). Образ окна в финале («*...иу бон дын æнæнхæлæджы дæ рудзынг кæй бахойдзынæн*» ('в один день неожиданно постучусь в твоё окно')) символизирует радость встречи, наступление нового счастья, новой жизни. Препграда будет пройдена, враг будет сломлен.

Как средство создания художественной выразительности произведения автор использует лексический повтор, усиливающий эмоциональность мысли. Придает определенный ритм стихотворению в прозе использование рефреном глаголов «*Æз цауын... Цæуын...*» ('Я иду... Иду'), «*Уарзын дæ... Уарзын дæ*» ('Люблю тебя... Люблю тебя'), «*Бабын уа... бын бауа!*» (образн. Пусть погибнет... погибнет').

Анафорическим рефреном «*карз хæст райдыдта*» ('началась ожесточенная война') сопровождается и каждый абзац/строфа в одноименном стихотворении Х. Калоева [12, с. 83]. Стихотворение небольшое по объему: каждый абзац содержит по две строки (первая строка повторяющаяся). Но их Калоеву было достаточно, чтобы показать свои переживания, эмоции по поводу начавшейся войны. Частое членение на абзацы обеспечивает не только динамичность действия, стремительную смену картин, но и «позволяет передать смятение лирического героя» [1, с. 152].

Поэт был ненавистником фашизма во всех проявлениях. Интернационализм, солидарность с другими народами против общего врага нашли воплощение в прозаическом стихе осетинского поэта «*Ты сломлена, ты пала...*» [12, с. 89]. С болью он воспринял капитуляцию Франции перед фашистской Германией. В стихотворении-посвящении трудящимся Франции Калоев в аллегорической форме глубоко сочувствует стране, вспоминает ее цветущей и верит в ее свободу и возрождение. Франция ассоциируется с вековым деревом, погубленным силой террора. У вырванного с корнем дерева еще будут зеленые побеги – этот образ отражает веру поэта в победу жизни над смертью.

Наказ-напутствие представляет собой стихотворение в прозе «*Процай, спокойствие...*» [12, с. 86]. Метафорическим языком автор пишет о конце спокойной жизни и начале кровопролитной войны. Автор призывает молодежь не бояться врага. Иносказательный смысл несут образы-символы «*мæлæтон дымгæ*» ('смертельный ветер'), «*сау мигъта*» ('черные тучи'), «*туджы къæвда*» ('кровавый дождь'). Они еще больше подчеркивают образ врага и масштабы совершающейся трагедии. Глубоким драматизмом насыщена каждая строка.

Стихотворения в прозе Калоева – классический образец произведений этого жанра. Для них характерны небольшой объем, изображение впечатлений и переживаний лирического героя, повествование от первого лица, повышенная метафоричность образов, экспрессивность стиля. Объединенные темой войны, стихотворения Х. Калоева можно считать частью одного большого произведения. Вера

в победу над фашизмом лейтмотивом проходит через все творчество писателя. Агитационный характер речи выражается в интонационно-синтаксическом строе: часто используются обращения, глаголы повелительного наклонения, междометия, восклицательные предложения...

К жанру стихотворения в прозе осетинские авторы прибегали при отражении животрепещущих тем современности. Этот жанр позволяет на основе повествовательной формы создать произведение с лирическим характером, воплощенным в подаче образной картины, изображении внутреннего мира героя/автора. Членение на абзацы, имитирующее разбивку на строфы, цикличность – наличие повтора – характерные композиционные приемы, использованные в стихотворениях в прозе осетинскими авторами. Однако не все произведения обозначенного жанра можно отнести к стихотворениям в прозе. Некоторые больше тяготеют к притчам или басням, стремясь включить в текст дидактический компонент. Небольшой объем позволяет причислить эти произведения к прозаическим миниатюрам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амбарцумян А.А., Перова Е.А. «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: синтез лирической и эпической форм развертывания образов // Теоретический и практический потенциал современной науки. М., 2019. С. 150–153.
2. Апалина Н.Л. Анализ «стихотворений в прозе» И.С. Тургенева // Уроки литературы. 2011. №3. С. 8–15.
3. Ахмерова Л.Р., Даньян Лу. Жанровые и лингвистические особенности «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева (на примере анализа стихотворения в прозе «Стой!») // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. V Международные Бодуэновские чтения. Казань, 12–15 октября 2015 г. Казань, 2015. С. 27–29.
4. Гадиев С. Избранные произведения. Цхинвал: Республика, 2011. 375 с.
5. Гадиев С. Произведения. Владикавказ: Ир, 1991. 644 с.
6. Гадиев Ц. Произведения. Орджоникидзе, 1984. 273 с.
7. Гаспаров М. Л. Стихотворение в прозе // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. Стб. 1039.
8. Гатуев Дз. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981. 438 с.
9. Джикаев Ш. История осетинской литературы. Владикавказ: Ир., 2003. 464 с.
10. Джусойты Н. Цомак Гадиев. Очерк жизни и творчества. Орджоникидзе, 1965. 193 с.
11. Дзапарова Е. Б. Нигер – переводчик русской классики на осетинский язык // Вопросы литературы и фольклора. 2015. №8-2. С. 33–47.
12. Калоев Х. Цветок на сломанном дереве. Произведения. Владикавказ: Ир, 1997. 255 с.
13. Лысенкова Е. Л., Ковынева Е. А. Стихотворения в прозе Р.М. Рильке и Э.М. Ремарка как когерентные художественные явления (лингвостилистический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2019. № 6. С. 50–58.
14. Мамиева И. В., Цоколаева Е. Х. Символ «мост/хид» в художественном сознании осетин // Известия СОИГ-СИ. Школа молодых ученых. 2014. №12. С. 272–285.
15. Максимова Т.М. Назначение жанра стихотворения в прозе // Вестник ИГЭУ. 2010. Вып. 1. С. 98–103.
16. Нигер. Произведения. Цхинвал: Иристон, 1988. 481 с.
17. Озеров Л. А. «Стихотворения в прозе» // Озеров Л.А. Необходимость прекрасного. М., 1983. С. 98–112.
18. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж, 1991. 191 с.
19. Пушина Л. А. Лингвостилистические параметры сборника стихотворений в прозе Ш. Бодлера «Le Spleen de Paris»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 19 с.
20. Туаллагов А. Д. Приговоренные к бессмертию. Владикавказ: Алания, 1993. 445 с.
21. Тюпа В. И. Стихотворение в прозе: проблема жанровой идентичности // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 49–57.
22. Хугаев И. С. Дальше на Восток: к вопросам поэтики Дзахо Гатуева // Вестник ВНИЦ. 2018. Т.18. №4. С. 4–8.
23. Штырлина Е. Образ луны в поэтическом творчестве К.Д. Бальмонта // Филология и культура. 2017. №3 (49). С. 96–100.

Поступила в редакцию 12.11.2021

Дзапарова Елизавета Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры осетинской литературы
E-mail: l-dzaparova@mail.ru

Хетагурова Кристина Инарбековна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры осетинской литературы
E-mail: kristina.ki-ka@yandex.ru

Хозиева Ида Хадзбатыровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры осетинской литературы
E-mail: ihozieva59@mail.ru

Асаева Наталья Ахсарбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры осетинской литературы
E-mail: nata.asaeva.76@mail.ru

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
362025, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46

E.B. Dzaparova, K. I. Khetagurova, I.Kh. Khozieva, N.A. Asaeva

**POEMS IN PROSE IN THE OSSETIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY:
GENRE IDENTIFICATION**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-615-622

The article makes an attempt to determine the genre of the works of Ossetian writers, which they rank as prose poems. The presence of a small volume, lyrical beginning, as well as the characteristic compositional completeness, dynamism and emotionality of the narrative make it possible to attribute most of the analyzed works to the genre in question.

A structural analysis of works of art showed that some of them gravitated more towards parables or fables, since they contained a didactic aspect (Ts. Gadiev). Other analyzed works of art are close in content to landscape sketches (S. Gadiev), a meditation poem (Ts. Gadiev), lyric miniatures (Dz. Gatuev, Niger (I. Dzhanayev), a message poem (H. Kaloev), a poem – confession (H. Kaloev), a farewell poem (H. Kaloev), a mandate poem (H. Kaloev).

In the first-person narrative, the lyrical beginning of prose poems is manifested. The combination of lyricism with a prosaic way of conveying artistic reality is also characteristic of the creative method of Ossetian authors.

The article also analyzes the pictorial and expressive aspect of the works, which plays an important role in revealing the ideological meaning of poems; emphasizes the identification of the figurative system with the inner world of the lyric hero. The lexical and syntactic means of artistic expression used reflect the deep feelings and thoughts of the lyrical hero, assess the depicted.

The formal features of the analyzed prose poems are most often represented by simple sentences that give the narration a special dynamism.

Keywords: Ossetian literature; poem in prose; genre; lyrical hero; image; composition; poetry; prose.

REFERENCES

1. Ambarcumyan A.A., Perova E.A. «Stihotvoreniya v proze» I.S. Turgeneva: sintez liricheskoy i epicheskoy form razvertyvaniya obrazov [“Poems in Prose” by I. S. Turgenev: synthesis of lyrical and epic forms of image deployment]. *Teoreticheskij i prakticheskij potencial sovremennoj nauki* [Theoretical and practical potential of modern science]. Moscow, 2019, pp. 150–153. (In Russian).
2. Apalina N.L. Analiz «stihotvorenij v proze» I.S. Turgeneva [Analysis of “prose poems” by I.S. Turgenev]. *Uroki literatury* [Literature Lessons], 2011, no. 3, pp. 8–15. (In Russian).
3. Ahmerova L.R., Dan'yan Lu. Zhanrovye i lingvisticheskie osobennosti «Stihotvorenij v proze» I.S. Turgeneva (na primere analiza stihotvoreniya v proze «Stoj!») [Genre and linguistic features of “Poems in Prose” by I.S. Turgenev (on the example of the analysis of the poem in prose “Stop!”)]. I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. V Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya. Kazan', 12–15 oktyabrya 2015 g. [I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics. V International Baudouin Readings. Kazan, October 12-15]. Kazan', 2015, pp. 27–29. (In Russian).
4. Gadiev S. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Tskhinval, Republic, 2011, 375 p. (in Ossetian).
5. Gadiev S. *Proizvedeniya* [Works]. Vladikavkaz, Ir, 1991, 644 p. (in Ossetian).
6. Gadiev C. *Proizvedeniya* [Works]. Ordzhonikidze, 1984, 273 p. (in Ossetian).
7. Gasparov M.L. *Stihotvorenie v proze* [Poem in prose]. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvak, 2001, stb. 1039. (In Russian).
8. Gatuev Dz. *Stakan shejha* [Sheikh's glass]. Ordzhonikidze, Ir, 1981, 438 p. (In Russian).
9. Dzhikaev Sh. *Istoriya osetinskoj literatury* [History of Ossetian literature]. Vladikavkaz, Ir, 2003, 464 p. (in Ossetian).
10. Dzhusojtjy N. Comak Gadiev. *Ocherk zhizni i tvorchestva* [Tsomak Gadiev. Essay on life and work]. Ordzhonikidze, 1965, 193 p. (In Russian).
11. Dzaparova E.B. Niger – perevodchik russkoj klassiki na osetinskij yazyk [Niger – translator of Russian classics into the Ossetian language]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Questions of literature and folklore], 2015, no. 8-2, pp. 33–47. (In Russian).
12. Kaloev H. *Cvetok na slomannom dereve*. *Proizvedeniya* [A flower on a broken tree. Works]. Vladikavkaz, Ir, 1997, 255 p. (in Ossetian).

13. Lysenkova E.L., Kovynova E.A. Stihotvoreniya v proze R.M. Ril'ke i E.M. Remarka kak kogerentnye hudozhestvennye yavleniya (lingvistilisticheskiy aspekt) [Poems in prose by R.M. Rilke and E.M. Remark as coherent artistic phenomena (linguistic and stylistic aspect)]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika ["Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics"], 2019, no. 6, pp. 50–58. (In Russian).
14. Mamieva I.V., Cokolaeva E.H. Simvol «most/hid» v hudozhestvennom soznanii osetin [Symbol "bridge / hid" in the artistic consciousness of Ossetians]. Izvestiya SOIGSI. SHkola molodyh uchenyh [Izvestiya SOIGSI. School of Young Scientists], 2014, no. 12, pp. 272–285. (In Russian).
15. Maksimova T.M. Naznachenie zhanra stihotvoreniya v proze [Purpose of the genre of a poem in prose]. Vestnik IGEU [Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University], 2010, iss. 1, pp. 98–103. (In Russian).
16. Niger. Proizvedeniya [Works]. Tskhinval, Iriston, 1988, 481 p. (in Ossetian).
17. Ozerov L. A. «Stihotvoreniya v proze» ["Poems in prose"]. Ozerov L. A. Neobhodimost' prekrasnogo [The need for beauty]. Moscow, 1983, pp. 98–112. (In Russian).
18. Orlickij Yu.B. Stih i proza v russkoj literature: Oчерki istorii i teorii [Verse and prose in Russian literature: Essays on history and theory]. Voronezh, 1991, 191 p. (In Russian).
19. Pushina L.A. Lingvistilisticheskie parametry sbornika stihotvorenij v proze SH. Bodlera «Le Spleen de Paris» [Linguistic and stylistic parameters of the collection of poems in prose by Charles Baudelaire "Le Spleen de Paris"]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Moscow, 2004, 19 p. (In Russian).
20. Tuallagov A.D. Prigovorennye k bessmertiyu [Sentenced to immortality]. Vladikavkaz, Alania, 1993, 445 p. (In Russian).
21. Tyupa V.I. Stihotvorenie v proze: problema zhanrovoy identichnosti [Poem in prose: the problem of genre identity]. Novyj filologicheskij vestnik [New Philological Bulletin], 2007, no. 2 (5), pp. 49–57. (In Russian).
22. Hugaev I.S. Dal'she na Vostok: k voprosam poetiki Dzaho Gatueva [Further to the East: to the poetics of Dzaho Gatuev]. Vestnik VNC [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre], 2018, iss.18, no. 4, pp. 4–8. (In Russian).
23. Shtyrlina E. Obraz luny v poeticheskom tvorchestve K.D. Bal'monta [The image of the moon in the poetry of K.D. Balmont]. Filologiya i kul'tura [Philology and Culture], 2017, no. 3 (49), pp. 96–100. (In Russian).

Received 12.11.2021

Dzaparova E.B., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Ossetian Literature
E-mail: l-dzaparova@mail.ru

Khetagurova K.I., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Ossetian Literature
E-mail: kristina.ki-ka@yandex.ru

Khozieva I.Kh., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Ossetian Literature
E-mail: ihozieva59@mail.ru

Asaeva N.A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Ossetian Literature
E-mail: nata.asaeva.76@mail.ru

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov
Vatutina st., 44-46, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, 362025